

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ — ТАЛАНТ НЕЛЕГКИЙ

...И опять я учусь писать стихи. Правда, теперь это происходит не на занятии литобъединения одного из московских заводов, где Александр Балин с кузнечкой хваткой поворачивает так и сяк наши неумелые строки, стремясь придать им божеский вид. И на семинары Всесоюзного совещания молодых писателей нынешняя учеба тоже не похожа: там, в импровизированных классах издательства «Молодая гвардия», руководитель нашего семинара М. А. Дудин, сделав безовой срез со стиха, подсластит горечь авторского самолюбия незаметно проткнутой конфеткой.

Не так учит писать стихи и Николай Старшинов: его ненавязчивое и дельное замечание (подчас очень суровое по сути своей) обязательно скроется в искрометной вспышке пришедшей на память русской частушки из собственного собрания...

Нет, сейчас учеба идет по-другому (а может быть, «да и нельзя сейчас не по-другому?»): телефонный автомат подмосковного городка; морозная, прилипающая к ушам трубка; в ней — переделкинский голос Евгения Еvtушенко. И я одной утопающей рукой хватаюсь за эту «двухмембранную соломинку», а другой держу стеклянную дверь будки, из которой скопившаяся очередь пытается меня вытянуть, словно традиционную Репку. А разговору не видно конца: только с Пастернаком разобрались...

— Когда ты напишешь современную поэму?.. Надо хватать читателя за рукав, останавливать его, чтобы выслушал...

Отбываясь от очереди предполагаемых читателей, я пытаюсь шутить: «Я хватаю, Евгений Александрович, но мои читатели, видно, ходят в безрукавках — не уцепишься...»

В трубке смех. Ради него стало быть невытащенной Репкой. А кругом падает снег. Народ спешит по своим делам. Утренний народ...

Мы тоже в школе — несомненно начальной, и наш экзамен по истории грядет, и верить хочется бессонным ночам, что в человечестве мы — утренний народ.

В поэзии, по-моему, Слово должны предшествовать Поступок, Удивление, Увлечение. Порыв боли, радости, сомнения — словом, то, из чего складается Вдохновение, что ли. Ведь поэт начинается раньше стихов. Евгений Еvtушенко на протяжении более чем тридцатилетней творческой деятельности сохранил в себе эти качества.

Это примечательно — ибо Удивление, Порыв, Увлечение традиционно присущи юношескому периоду творчества и со временем заменяются творческой дисциплиной, профессио-

нальным отношением к поэтическому труду. Вот почему стихотворения Еvtушенко наполнены воздухом юности, продуваемы сквозняками студенческих общежитий, таежных палаток, вагонов, направляющихся на строительство Братской ГЭС, начисто лишены комфортабельной заурядности окон и дверей — от самых ранних: «Я шатаюсь в толкучке столичной над веселой апрельской водой, возмутительно нелогичный, непростительно молодой» — до стихов последних лет: «Я люблю вас, люди-человеки, и стремление к счастью вам прощу. Я теперь счастливым стал навеки, потому что счастья не ищущ».

Поэзия Евгения Еvtушенко, на мой взгляд, имеет прежде всего утилитарное, прикладное назначение. Ей чужды в равной степени и отстраненность, и нищета. Все стихи рассчитаны на сопереживание читателя. Все их можно «приложить» к жизни. И в этом — их деятельный характер. Так рождаются многочисленные рассказы о современном человеке — будь им бетонщица Нюшка или умирающий Иван Степанович из «Братской ГЭС», лифтерша Маша, поющая в один голос с девочкой Тонечкой, «пыльный, курносый» человек из поэмы «Станция Зима», идущий искать в район правду в борьбе с зарвавшимся председателем колхоза, продавец галстуков с лицом усталого ребенка, девчонка Настя Карпова и ненецкий художник Тыко Вилка, «бормочущий, всхлипывающий по-детски» посреди моряцкого застоя: «А моя мамка — померла...».

«...Я старался находить близких мне по духу людей не только среди строителей Братска или рыбаков Севера, но и везде, где происходит борьба за будущее человечества, — в США, в Латинской Америке и во многих других странах. Без любви к родине нет поэта. Но сегодня поэта нет и без участия в борьбе, происходящей на земном шаре», — написал Евгений Еvtушенко в предисловии к своему двухтомнику.

Поэзия для Еvtушенко — инструмент познания, осмысления мира, жизни, людей. Стихи поэта историчны по своему мышлению, логике, способу совестливости, по обилию исторических личностей, наполняющих их: Стенька Разин и Пушкин, Чернышевский и Вера Фигнер, Лобачевский и Лев Толстой, петрашевцы и Маяковский — своеобразный пантеон славы русских гениев и борцов. Вот из чего вырастает обязательность главной темы Е. Еvtушенко — темы Ленина: «И я, если мучат сомнения, ища от них исцеления, иду ходоком к Ленину, иду ходоком к Ленину...».

Как-то Евгений Александрович сказал мне, что он как поэт на-

чался со стихотворения «Со мною вот что происходит...». Стихи его от первых до недавних, от сугубо камерных до громо-гражданских соединены сообщающимися сосудами, по которым пульсирует живая кровь Жизни, они становятся как бы одной исповедью перед читателем — народом, к которому постоянно апеллирует поэт, который является для него учителем. (Именно так я объясняю, скажем, переключку темы «по ягоды» из поэмы «Станция Зима» и романа «Ягодные места», разделенных почти тремя десятилетиями лет.)

Еvtушенко возродил осязаемость поэтического слова. Его детали врезаются в память, делаются самой памятью, обуславливая моментальную «вспоминаемость» самого стихотворения. Мои сверстники буквально бредили точными, пастозно выплывшими образами поэта:

«Мы любовались — я не сирок, — как он в станках водил лил, как перевязанной рукою красиво он не шевелил» (о фронтовике), «Я брал светящиеся персики и рог пустой на стол бросал и с непонятными мне песнями по-русски плакал и плясал», «...И тихо трогаю рукой, но не обламываю сосульку тоненькую с веточной внутри», «Тянет ветром свежо и студено. Пахнет мокрой сосною крыльцо. И потягивается освобожденно утка, вылепившая яйцо», «...Перед тобой, в оранжевое врублен, гибкая ветка, отливает углем, как черный месяц, светится глухарь. Он хрюкает, хвостом распускает, свистящее шипенье испускает, поводит шеей, сам себя ласкает, и воспекает существо свое».

Мастерство поэта — в умении находить неожиданные, точные, художественно оправданные эпитеты, которые, будучи прочно отлиты в материале — поэтическом слове, — не нуждаются в доделках и подчистках. Так, в стихах, посвященных Я. Смелякову, два рифмующихся эпитета вылепливают полный портрет поэта: «Вижу руки подробные, все по ним узнаю, и глаза исподобные смотрят в душу мою» (кстати, на мой взгляд, соотношение поэтических эпитетов Я. Смелякова и Е. Еvtушенко — тема, давно назревшая в нашем литературоведении, переросшая уровень студенческих дипломных работ).

Тонкое чутье русского слова делает стихи Еvtушенко пословичными и поговорочными: «Я жаден до людей, и жаден все лотей», «...И если я умру на белом свете, то я умру от счастья, что живу», «Как ни крутите, ни вертите, но существует Нефертити». Законченность отдельных строк сродни математической выверенности формул: «Гражданственность — талант нелегкий», «Не важно — есть ли у тебя преследователи, а важно — есть ли у тебя последователи», «Людей неинте-

ресных в мире нет. Их судьбы — как истории планет...»

Николай Рубцов писал: «Но все они (поэты. — А. Щ.) опутаны всерьез какой-то общей нервной системой...». «Общая нервная система» с жившими, живущими и будущими поэтами России и рождает ту особую страстность стихов Еvtушенко, с которой соприкасаешься каждый раз, читая его строки:

Накне б годы
ни пришли суровые,
из вас, поля, из вас,
леса густые,
к нам будут приходить
таланты новые,
и это вечно, как сама Россия.

«Общая нервная система» рождает широту эстетического кругозора Е. Еvtушенко.

Статьи поэта о В. Соколове, А. Мехирове, Ю. Кузнецове, О. Чухонцеве, В. Распутине, Г. Горбовском, Д. Самойлове и других современных поэтах и прозаиках страны продолжают традиционное хозяйски рачительное отношение к талантам русской земли.

Когда-то в раннем своем стихотворении поэт заявил: «Я разный — я натруженный и праздный...». Я не верю в «праздность» Еvtушенко, как, впрочем, думаю, и он сам не верит в нее. Трудоспособность поэта не может не вызывать восхищения.

Жадность к творческому труду толкает его на постоянный эксперимент в области литературной формы: возрождение «белого» стиха, попытки привить верблор на русской почве... Жадность к труду порождает энциклопедичность творчества: стихотворения, проза, книга публицистики... Художественная фотография... Актерская работа в кино... И вновь работа в кино: сценарий, режиссура...

Молодой сибирский поэт Михаил Андреев однажды, вернувшись из тайги с охоты, привез домой стакан лесного меда, который обменял на стихи Еvtушенко... Впрочем, об этом — мое стихотворение:

Мы судили о хореях,
примостясь на батареях.
Рты в веснушках,
лбы — в снегу.

А лесничий сын Андреев
полбашни себе обрел
и уйдет в свою тайгу...

Там лесничий сын Андреев,
обдираясь о деревья,
остановит светлый миг.
И, вернувшись из похода,
на стакан лесного меда
обменяет крепкий стих.

Стих поэта Еvtушенко с пылью — как на этажерке — невозвратной, молодой — на стакан лесного меда, на который будет мода под любой уже звездой...

Александр ЩУПЛОВ